

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ПРАКТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ.

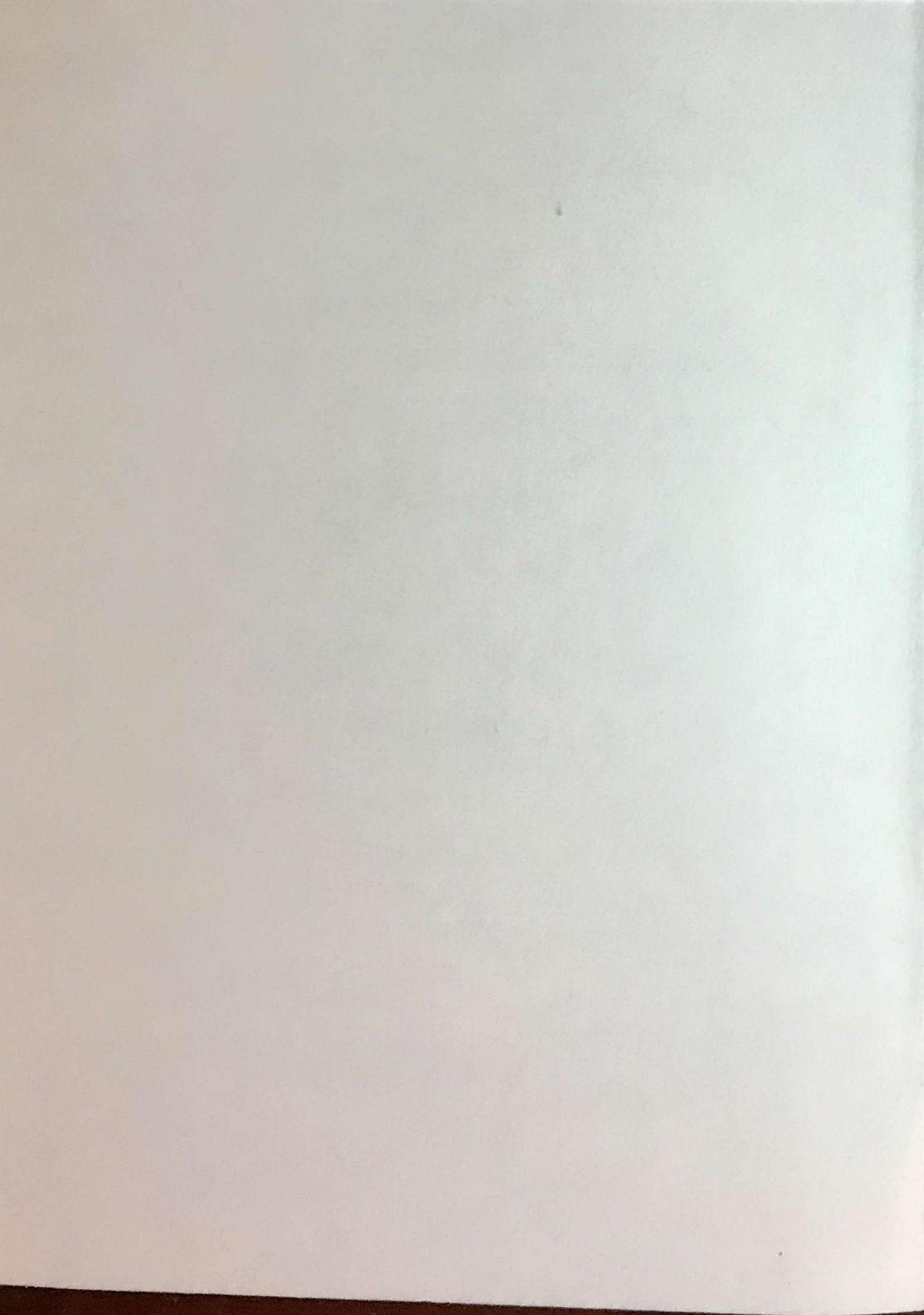
Выпуск 14.

АЛЕКСЕЙ ВИНОГРАДОВ

ДЕРМОНТОВСКАЯ
КУБАНЬ

(историко-литературоведческие
этюды)

Армавир - 1997

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Практические опыты исторического
регионоведения. Выпуск 14.

А. В. ВИНОГРАДОВ

ЛЕРМОНТОВСКАЯ
КУБАНЬ

(историко-литературоведческие этюды)

Под редакцией
академика МАИ и АИП, профессора
В. Б. ВИНОГРАДОВА.

Армавир - 1997

© Армавирский госпединститут. А. В. ВИНОГРАДОВ. 1997.

В небольшом сборнике собраны публикации, вышедшие и написанные (некоторые в соавторстве) на Кубани в 1992 - 1997 гг.

Художник Р. К. Шведе. 1841 г. М. Ю. Лермонтов (?)
(из книги Я. Л. Махлевича "И Эльборус на юге...")
Москва: Советская Россия. 1991).

Посвящается 160-летию посещения М. Ю. Лермонтовым Кубани.

ЛЕРМОНТОВЕДЧЕСКИЙ ЭТЮД

Лермонтоведческие интересы в нашей семье, можно сказать, потомственные. Мой дед - видный лермонтовед - с 1950 по 1980 г. исследовал, в частности, кавказские страны биографии и творчества М. Ю. Лермонтова /см.: Виноградов Борис Степанович. 1910-1980. Био-библиографические очерки. Вып. 3. Армавир. 1994/. С начала 1960-х гг. он увлек этой темой своего младшего сына-историка - моего отца, опубликовав написанный вместе с ним ряд работ, частью вошедших в "золотой фонд" лермонтоведения /свидетельство тому - включение некоторых из них в библиографию "Лермонтовской энциклопедии"/. После кончины деда, в городах Грозном и Москве опубликовано еще несколько совместных их статей /см.: библиография трудов Б.С.Виноградова // Россия и Северный Кавказ. Проблемы историко-культурного единства. Грозный. 1990. с. 136-137/. А с рубежа 1980-1990-х гг. последовала серия публикаций тезисов докладов и лермонтоведческих заметок, написанных мною, пытающимся продолжить семейную традицию. Большая часть из них сперва была посвящена отражению в творчестве М. Ю. Лермонтова истори-

ческих реалий бассейна реки Терек, где поэт бывал по крайней мере трижды /подростком и в 1837, 1840 гг./.

Однако, начиная с 1992 г., в связи с вынужденной переменой местожительства нашей семьи /переезд из г. Грозного в г. Армавир/ в "полный рост" встала проблема изучения пребывания Лермонтова на Кубани /1837, 1840/, что нашло многогранное отражение в его художественных произведениях, письмах, других материалах. И если маститые предшественники /В. Михельсон, Н. Веленгурин, В. Захаров и др./ по ряду причин концентрировали внимание на низовьях Кубани и черноморском побережье /Тамань, Екатеринодар, Ивановская, Анапа, Геленджик/, то назрела необходимость определить место и значение Средней Кубани в биографии и творчестве М. Ю. Лермонтова.

Первые же предпринятые шаги /см. ниже/ показывают перспективность этого направления, обозначая возможность наполнения новым содержанием некоторых из конкретных аспектов всегда актуальной проблемы "М. Ю. Лермонтов и Кавказ".

Остается добавить, что семейный интерес к одному из классиков русской литературы проявился и в историко-медицинских трудах моего дяди Павла Борисовича Виноградова /Тверь/, а также не прошел бесследно для ряда учеников и молодых коллег В. Б. Виноградова, определив их неоднократное обращение к наследию М. Ю. Лермонтова как своеобразному и ценному историко-культурному русско-кавказскому источнику /С. Л. Дударев, Н. Н. Великая ,

Д. Ю. Чахкиев, Н. М. Еремин, О. В. Матвеев, Л. Н. Чернова и др./.

Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В. Б. Виноградова /1964-1994/: Тезисы докладов. Часть II. Армавир . 1994. С. 33-34.

**АТАЖУКИНЫ И АБАЗИНЫ НАЧАЛА XIX в.
В СВЯЗИ С ТВОРЧЕСТВОМ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**

Известно, что часть абазин, обитавшая в восточном Закубанье, /см.: Виноградов В. Б. "Были сильны и многочисленны..." // Газ. "Армавирский собеседник", 12 ноября 1992 г./ в конце XVIII в. подверглась неоднократным переселениям и смутам, проистекавшим от действий кабардинских князей, в том числе Атажукиных /Хатакшоковых/. А в начале 1800 г. к абазинам-дударуковцам бежал Адыл-Гирей Атажукин, пытаясь силой увести с собой кумских абазин-тапантинцев. Вокруг этого разыгрался целый ряд драматических событий /см.: Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск. 1989. С. 21-22/.

После убийства Павла I его осторожная, взвешенная политика на Кавказе была отвергнута. В 1804 г. генерал Глазенап произвел обширные "репрессалии" в Кабарде, откуда многие кабардинцы, спасаясь, бежали за Кубань, положив начало формированию особого адыгского народа - черкесов. В эти дела оказались втянуты и другие на-

роды. И. Л. Дебу вскоре писал: "...Неспособность /абазинского/ пристава, буйство казаков и наущения турков заставили сей народ в 1804 г. бежать вместе с ногайским народом за реку Кубань". Именно тогда пришли в непримиримое столкновение интересы и помыслы двух видных кабардинских князей - Росламбека Мисостова и Измаил-Бея Атажукина. Последний, как считается, скончался вслед за восстанием в Кабарде 1810 г. и оба они предполагаются прототипами героев поэмы М. Ю. Лермонтова "Измаил-Бей", события которой традиционно и аргументированно связываются именно с кабардинской ситуацией /Лермонтовская энциклопедия. М. 1981. С. 39, 187-189/. Притом подчеркивается, что информаторами поэта могли быть Хастатовы, И. М. Петров. Ш. Ногмов и что Лермонтов "не преследовал цель с точностью воспроизводить события эпохи и биографии исторических лиц".

Однако, как представляется, остаются еще немалые резервы и для поисков и сопоставлений. Например, под воздействием работ С. А. Андреева-Кривича о влиянии кабардинского фольклора на творчество М. Ю. Лермонтова до сих пор практически забыта весьма содержательная и оригинальная статья Л. И. Лаврова "Абазины в творчестве Лермонтова", опубликованная в газете "Красная Черкессия" в 1941 г. /№ 81/. Она позволяет во многом по-новому взглянуть на исходные мотивы "Измаил-Бея", а также удержаться от той путаницы в приобретениях и потерях кавказской династии Атажукиных, которые случаются и в

самых серьезных изданиях /см.: История народов Северного Кавказа. Т. П. М. 1988. С. 245-247, 296/.

К изучению историко-культурного прошлого населения Прикубанья: Тезисы докладов студенческо-преподавательского семинара по итогам работ 1992 г. Армавир. 1992. С. 19-20. /в соавторстве с Б. В. Виноградовым/.

ЛЕРМОНТОВСКИЙ КАЗБИЧ И КИЗБЕЧ ШЕРЕТЛУКО

Общим местом лермонтоведения является утверждение, что один из прославленных вождей адыгейцев первой половины XIX в. Кизбеч /Кзиль-беч, Казбич/ Шеретлуко послужил прототипом образа Казбича в повести "Бэла". Основания для этого ищут в тексте самого романа "Герой нашего времени", где после рассказа о трагедии "прелестной кумычки" /Б. С. Виноградов/ автор-повествователь спросил: "А не слышали ли вы, что сделалось с Казбичем?" Ответ Максима Максимыча таков: "С Казбичем? А, право, не знаю... Слышал, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешмете разъезжает шажком перед нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко: да вряд ли это тот самый!..."

Сомнение "добрейшего штабс-капитана" вполне основательно: лермонтовский Казбич "бы не то, чтобы мирной, не то, чтоб немирной. Подозрений на него было много, хоть ни в какой шалости не был замечен. ...Говорили про него, что он любит таскаться за Кубань с абреками, и, правду

сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... А уж как ловок-то, ловок -то был, как бес! Бешмет всегда изорванный, в заплатах, а оружие в серебре..." О себе он сам рассказывает: "...я ездил с абреками отбивать русские табуны", а по ходу романа не раз появляется у стен и внутри русской крепости на границе Чечни и Дагестана /Таш-Кичу/ для продажи задешево небольших партий баранов, угнанных, вероятно, в результате лихих набегов. Казбич храбр, безудержно вспыльчив, расчетливо хитер, до поры удачлив. Но он отнюдь не богат: домогаясь Бэлы, он, по суждению Максима Максимыча, "если б надеялся собрать порядочный калым, то, верно бы, посватался..." Наконец, Казбич далеко не стар и, по всему, одинок. Словом - это образ типичного горского "наездника"-абрека.

Совсем иное дело - выдающаяся историческая личность, какой был Кизбеч Шеретлуко /1777-1839/. Молва о нем гремела по Кавказу и не могла миновать М. Ю. Лермонтова. Осведомленность литератора /в отличие от слухов, которыми питался Максим Максимыч/ базировалась не только на свидетельствах сослуживцев, с которыми Лермонтов встречался на Кубани в 1837 г. Признавая за факт знакомство М. Ю. Лермонтова с Султаном Хан-Гиреем / см.: Хашхожева Р. Х. Хан-Гирей // Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик. 1974. С. 27/, можно считать, что русский писатель был знаком с повестью адыгейского просветителя "Бесльный Абат", в которой дан яркий, правдивый историко-психологический портрет "удивительно вли-

ятельного среди шапсугов Кзильбеча из Шеретлуковой фамилии”, увенчавшего себя огромной прижизненной общедыгской славой борьбы против России. “...Стоило только разослать гонцов от имени Кзильбеча, и тысячи стекались под его предводительство...” /см.: Адыгские писатели-просветители XIX века. Краснодарское книжное издательство. 1986. С. 148-151/.

Сегодня научно разработаны основные вехи биографии именитого вождя шапсугов. В их числе и его громкие /индивидуальные и коллективные/ подвиги 1837 г. в низовьях Кубани /см.: Черкесия в XIX веке. Майкоп. 1991. С. 257 - 259/. В те же годы /1837-1839/ английский разведчик на Северо-Западном Кавказе Д. С. Белл назвал Кизбеча Шеретлуко “львом черкесов” и написал его портрет /первые иллюстрированные собственными рисунками записки Д. С. Белла были опубликованы в Париже в 1841 г./ Облик высокого, осанистого, богато одетого и экипированного старика в чалме “хаджи” /паломника в Мекку/ никак не вяжется с лермонтовским Казбичем.

Остается сделать вывод: М. Ю. Лермонтов создал образ абрека-Казбича, воспользовавшись лишь именем популярного исторического деятеля адыгской Кубани. Этого, по нашему убеждению, совершенно недостаточно чтобы считать Кизбеча Шеретлуко прототипом Казбича из “Бэлы”.

**Археология и краеведение Кубани: Материалы
Первой студенческой научной конференции.
Краснодар. 1993. С. 43-45. /в соавт. с Е. А. Утко/.**

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАКОВ И ГОРЦЕВ ПО МАТЕРИАЛАМ РАННИХ КАВКАЗСКИХ ПОЭМ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Описание жизни, занятий терских казаков, условий их нелегкой ратной службы, взаимоотношений с горцами занимает немало места в кавказском цикле произведений М. Ю. Лермонтова. Достоверность сведений об этом определяется не глубиной преднамеренного исторического анализа данной проблематики, но степенью таланта поэта, его интуицией художника слова, способностью верно заметить и отразить знакомую ему еще с малых лет обстановку на терской части Кавказской линии первых десятилетий XIX в.

Уже в первых кавказских произведениях имеются описания казачества, их сторожевых постов /"маяков"/, расположенных вдоль пограничной реки Терек. Юный поэт показывает специфику казачьего быта, фиксирует, к примеру, тот факт, что среди разнородного по своему составу терского казачества несут военную службу выходцы из других казачьих войск /"Черкесы", "Кавказский пленник"/. Совершенно справедливо Лермонтов обращает внимание в этом смысле на донских казаков, "копья", то есть пики, которых блестят на "маяках".

Ранние поэмы Лермонтова являются как бы иллюстрацией к сложной и напряженной обстановке на Северном Кавказе. Поэт показывает, что отношения между казаками и горцами, долгое время жившими "как всякие соседи" /А. В. Фадеев/, с начала XIX века складывались трудно: воо-

руженные столкновения, грабительские набеги части горцев на исконно казачьи земли на левом берегу Терека были обычным явлением. Описания подобных “мероприятий” или подготовки к ним присутствуют буквально в каждой ранней кавказской поэме М. Ю. Лермонтова. В части из них поэт, безусловно отдавая должное мужеству горского характера, осуждает горцев за их набеги, захваты людей, пленопродавство.

Но здесь Лермонтов, как представляется автору, невольно впадал в идеализацию “страдающей стороны” и односторонность - набеги с целью захвата добычи самих казаков в пределы горцев, активное участие казачьих отрядов в “репрезалиях” против непокорных горцев, проводимых царской администрацией и сопровождавшихся нередко неоправданными жестокостями, остаются вне поля зрения поэта. В первых кавказских стихотворных опытах никак не обозначена и военно-феодалная, наступательная политика России в регионе.

Более разностороннее освещение проблемы взаимоотношений казаков и горцев /а если брать шире - российско-северокавказских отношений/ нашло свое место в романтических поэмах Лермонтова, написанных в начале 1830-х гг. /в “Измаил-Бее”/ и более поздних поэтических шедеврах русского поэта /“Казачья колыбельная песня”, “Спор”, “Валерик” и др./.

Пути возрождения Терского казачества: Тезисы докладов региональной научно-практической конференции /13-14 ноября 1993 г/. Кизляр. 1993. С. 11-12.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА С ДЕКАБРИСТАМИ, СОСЛАННЫМИ НА КУБАНЬ

Кавказским страницам биографии М. Ю. Лермонтова посвящено немало литературы. Упоминается в ряде из них и пребывание поэта на Кубани, хотя подробно об этом говорится мало /1-3, 5-11, 14, 21, 22, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 33-35/.

Мы особо обращаем внимание на труды, касающиеся контактов Лермонтова с сосланными на Кавказ декабристами /13, 23, 32/. Эта тема еще далеко не исчерпана.

В 1837 г. Лермонтов, по известным причинам отправленный в ссылку, был переведен из лейб-гвардии Гусарского полка в Нижегородский драгунский. Он прибыл в Пятигорск примерно во второй половине апреля - начале мая /20. С. 79/ и до начала сентября лечился на Кавказских минеральных водах. Таким образом, он не принимал участия в операциях, проводимых за Кубанью отрядом Нижегородского полка, руководимым генералом А. А. Вельяминовым /26. С. 200/. Лишь в первой половине сентября с Кавминвод через Ставрополь и укрепление Ольгинское Лермонтов отправился в Тамань, чтобы оттуда добраться до Анапы или Геленджика, где находился отряд Вельяминова /20. С. 83/.

Его путь пролегал в основном вдоль правого берега реки Кубань, по укрепленной линии. Правобережье Кубани, заселенное мирными черкесами, считалось тогда относительно безопасным /в сравнении с левым флангом Кавказской

линии/, хотя и туда иной раз прорывались “хищнические”, как тогда говорили, партии, переходящие реку для грабежа как казаков, живших в укрепленных станицах кордонной линии, так и своих собратьев, мирных черкесов /4. С. 293/. На противоположном же берегу, по выражению одного из современников, русскому нельзя и носа показать без прикрытия, не подвергаясь опасности быть “схвачену в плен или убиту”.

Маршрут корнета Лермонтова проходил через крепость Прочный Окоп, станицы Кавказскую, Тифлисскую, Усть-Лабинское укрепление, Екатеринодар, Копыловский кордон /современный Славянск-на-Кубани/, станицу Темрюкскую, Фанагорийскую крепость /ныне не сохранившуюся, находившуюся в двух верстах при въезде в Тамань/ /26. С. 201/. Описание Прочноокопской крепости - резиденции знаменитого генерала Засса, прибежища многих ссыльных декабристов, оставил А. П. Беляев /4. С. 291-293, 299/. М. Ю. Лермонтов бывал в Прочном Окопе по крайней мере дважды - в 1837 г. и в декабре 1840 г., так что мог видеть расположенную в окрестностях современного Армавира, стоящую на высоком берегу реки Кубань крепость именно такой, какой описал ее декабрист Беляев.

Прибыв в Тамань 26 сентября 1837 г., Лермонтов не смог следовать дальше - к готовящемуся к встрече Николая I отряду Вельяминова: в Тамани его обокрали и задержка была вызвана теми же причинами, что и у героя его повести /33/.

Вернувшись 29 сентября из Тамани в укрепление Ольгинское и получив там предписание отправится в свой полк

в Тифлис, М. Ю. Лермонтов по пути задержался в Ставрополе. Здесь через Н. М. Сатина и Н. В. Майера /по мнению лермонтоведов, - прототипа доктора Вернера в "Княжне Мери"/ поэт познакомился с сосланными на Кавказ после сибирской каторги декабристами С. Кривцовым, В. Галициным, а также В. Лихаревым, М. Назимовым, М. Нарышкиным, А. Одоевским, А. Черкасовым /23/.

Встреча с такими людьми, как Майер и его друзья-декабристы, не могла не повлиять на юношу-поэта. К Лермонтову пришло понимание назначения писателя, кругозор его расширился, убеждения окрепли, смутное недовольство пошлостью общества, в котором он вращался в Петербурге, стало сознательным. Сравнительно скоро - 11 октября 1837 г. - последовал высочайший приказ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, но так как он был опубликован только 1 ноября, а до непосредственного начальства дошел еще позже /чему свидетельство тот факт, что корнет Лермонтов был исключен из списков Нижегородского драгунского полка только 25 ноября/, поэт за это время успел побывать в Закавказье /3/, а на обратном пути в Петербург в Ставрополе вновь встретился с уже знакомыми ему декабристами.

В 1840 г., во время своей второй кавказской ссылки, поэт, направленный в Тенгинский пехотный полк, размещенный в Прикубанье, опять столкнулся с участниками восстания 1825 г. Круг его знакомств расширился за счет декабриста Н. И. Лорера, встреча с которым произошла в Фанагорийской крепости в Черномории. Еще раньше он познакомил-

ся с В. Н. Лихаревым /20. С. 134/. На взаимоотношениях М. Ю. Лермонтова и В. Н. Лихарева мы и остановимся, так как в этом вопросе есть ряд неясностей. При его рассмотрении принято обращаться к официальным документам и воспоминаниям, которые весьма противоречивы. Думается, что большую ясность во взаимоотношения этих людей могло бы внести их отражение в творчестве самого поэта.

Зачастую в специальной лермонтоведческой литературе Лихареву посвящается лишь несколько строк. Иной раз дело ограничивается констатацией того, что он погиб в сражении при Валерике /11 июля 1840 года/, в котором принимал участие и М. Ю. Лермонтов /18. С. 264/.

Рядовой Куринского егерского полка, расквартированного в Прочном Окопе, В. Н. Лихарев летом 1840 г. оказался в составе экспедиционного отряда генерала Галафеева, действовавшего в Чечне, в котором находился и поручик дислоцированного в Прикубанье Тенгинского пехотного полка М. Ю. Лермонтов. Их встреча состоялась в конце июня - начале июля в крепости Грозной /20. С. 134; 27. С. 218/. В "чеченском отряде" знакомство Лермонтова и Лихарева переросло в дружбу. Нельзя сказать, что их взгляды на окружающую действительность вполне совпадали: между воззрениями поэта и ссыльных декабристов существовали достаточно значимые различия. Декабрист Назимов через несколько десятилетий делился своими воспоминаниями с первым биографом поэта Висковатым: "Лермонтов... охотно и много говорил с нами о разных вопросах личного, социального и политического мировоззре-

ния. Сознаюсь, мы плохо друг друга понимали... Нас поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрений. Он являлся подчас каким-то реалистом, прилепленным к земле, без полета, тогда как в поэзии он реял высоко на мощных своих крыльях. Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мечтали в нашей несчастной молодости /имеется в виду создание в 1837-1838 гг. министерства по делам государственных крестьян и особого секретного комитета по крестьянским делам, с деятельностью которых декабристы связывали первые шаги к ликвидации крепостного права. -А. В./, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления" /9. С. 279/. Лермонтов имел более реалистический взгляд на вещи, чем декабристы, жившие идеалами своей молодости. Не разделял поэт и благодушия, свойственного некоторым из них. На это обратил внимание Н. И. Лорер: "Я должен был показаться ему мягким добряком, ежели он заметил мое душевное спокойствие и забвение всех зол, мною претерпленных" /34. С. 119/.

Но это не мешало их сближению. Лихарев - один из образованнейших людей своей эпохи, знавший четыре языка и, по мнению Лорера, имевший возможность при других обстоятельствах "занять место первого секретаря при любом посольстве" /19. С. 332/, стал другом Лермонтова, и как старший товарищ, по некоторым сведениям, даже опекал его по ходу экспедиции /10. С. 16/.

В течение 6-10 июля 1840 г. в составе одного отряда они участвовали в более или менее крупных столкновениях с горцами. 11 июля произошел ожесточенный бой отряда генерал-лейтенанта Галафеева с горцами при реке Валерик, во время которого "Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов... имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны... что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля. Но... несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы" /20. С. 136/.

В этом бою В. Н. Лихарев погиб. Н. И. Лорер изображает его гибель как эпизод взаимоотношений ссыльного декабриста и М. Ю. Лермонтова. "Сражение подходило к концу, и оба приятеля шли рука об руку, споря о Канте и Гегеле, и часто, в жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля метка и винтовка редко дает промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навывлет. Ожесточенная толпа горцев изрубила труп так скоро, что солдаты не успели на выручку останков товарища-солдата. Где кости сибирского товарища моего?" /19. С. 332/.

Н. И. Лорер сам в валерикском деле не был и сделал такую запись, очевидно, после встреч с участниками боя. Думается, что к сведениям Лорера об изрубленном на поле сражения теле Лихарева следует относиться осторожно. В его мемуары могла вкраться неточность. Для сравнения обратимся к записям другого декабриста - А. П. Беляева,

также как и Лермонтов с Лихаревым /правда, чуть позже/, участвовавшего в экспедиции в Чечню. Впоследствии, вспоминая свою "зимовку" 1840-1841 гг. в крепости Прочный Окоп, он писал: "Общество наше... составляли товарищи наши: Назимов, Нарышкин, иногда Загорецкий и мы с братом. В то же время был еще из наших товарищей Лихарев, но он в это же лето был в экспедиции с Куринским полком, в котором находился, и под Валериком убит; когда мы в последнюю нашу экспедицию проходили Валерик, то увидели, что могилы наших убитых разрыты, и тела павших обнажены, ограблены... Тут же их похоронили снова" /4. С. 300/.

Можно предположить, что приводимые Лорером сведения по поводу судьбы тела Лихарева обусловлены некоторой путаницей, наслоением более поздних событий, описанных Беляевым, на почве реалий 11 июля 1840 г. Тем более, что Н. И. Лорер приводит в своих воспоминаниях и некоторые другие подробности, не соответствующие действительности. Он писал: "В последнем деле, где он /Лихарев. - А. В./ был убит, он был в стрелках с Лермонтовым" /19. С. 332/. Вероятно, Лорер, не знавший всех тонкостей служебных назначений поручика Лермонтова в галафеевском отряде, имел в виду так называемую сотню охотников, команду Р. Дорохова, однако поэт принял руководство "охотниками" позже - в октябре 1840 г. /6; 29/. Приведенный нами отрывок сбил с толку одного из первых лермонтоведов П. А. Висковатого, который в своей работе отмечал гибель Лихарева октябрём 1840 г., т.е. временем второго для Лермонтова валерикского боя, когда Михаил

Юрьевич действительно командовал упомянутой сотней /9. С. 314/. Кроме того, в конце боя горцы уже не имели возможности произвести описанные Лорером действия: они были оттеснены вглубь леса и рассеяны войсками отряда генерала Галафеева и более заботились о спасении тел своих убитых /9. С. 309/. Этот момент изображен на картине М. Ю. Лермонтова, написанной совместно с художником Г. Гагариным, - "Эпизод сражения при Валерике 11 июля 1840 г.", на которой теснимые русскими штыками горцы пытаются вынести с поля боя тела своих павших сородичей /17. С. 225/.

Некоторое время спустя после валерикского дела М. Ю. Лермонтов написал стихотворение "Валерик" /"Я к вам пишу случайно, право"/, в котором, наряду с описанием кровопролитного боя, выразил свое неприятие войн вообще, а происходящей на Кавказе - в первую очередь /8/.

Из графического же наследия поэта интересна картина "При Валерике - 12 июля". На ней изображен печальный ритуал похорон погибшего в кровопролитном бою. Отряд генерала Галафеева потерял в столкновении убитыми 6 офицеров и 65 солдат, при количестве раненых более 270 человек /10. С. 16/. Конечно, эти сведения могут оказаться неточны. Сам Лермонтов писал об этом бое А.А. Лопухину: "У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых" /16. С. 45 5/. Приводятся и другие версии потерь.

Опубликованное в "Отечественных записках" в феврале 1841 г. лермонтовское стихотворение "Завещание" при внимательном рассмотрении наводит на определенные раздумья.

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что! Моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пульей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались! Обо мне она
Не спросит... все равно,

*Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит! /15/.*

Произведение было написано, как полагают, сразу же после “Валерика” и предшествовало очерку “Кавказец” и программным строфам “Родины”, т.е. создавалось в ответ-ственное для Лермонтова время перелома в его миропо-нимании и творчестве.

До сих пор проблема лирического героя этого стихотво-рения и ситуации, в которой он оказался, до конца не ре-шена. Умиравший от раны воин рассматривается боль-шинством лермонтоведов как солдат или старый кавказ-ский офицер /вроде Максима Максимовича из “Героя наше-го времени”/.

Интересную мысль о глубинной связи судьбы смертель-но раненого героя “Завещания” с перепитиями валерик-ского боя высказали Б. С. Виноградов и В. Б. Виноградов, проводя параллели с лермонтовской картиной “Эпизод из сражения при Валерике”. Их гипотеза состоит в том, что умирающий воин мог попытаться остановить бессмыслен-ное кровопролитие конца сражения, изображенного поэтом на картине /9. С. 23-38/.

Но возможна и другая версия. А если предположить в стихотворении своего рода “лихареvские мотивы”? Конечно, прямых аналогий делать не следует: “сто процентно” отождествлять лирического героя любого произведения с конкретным лицом и событием нельзя. К тому же Лермон-тов не мог взять за основу произведения предсмертные

слова своего друга хотя бы потому, что Лихарев скончался сразу же. И все же...

Лихарев, проводя долгие годы на каторге, был оторван от семьи, близких и любимых ему людей. И здесь показательны лермонтовские строки: "Отца и мать мою едва ль/ Застанешь ты в живых..." И далее - в последней строфе: "Соседка есть у них одна/ Как вспомнишь, как давно/ Расстались... Обо мне она/ Не спросит... все равно!/ Ты расскажи всю правду ей..." С одной стороны, возможное подтверждение очень длительной разлуки, с другой - опасение интересоваться судьбой "государственного преступника". Строка "...Моей судьбой,/ Сказать по правде, очень/ Никто не озабочен" тоже может быть расценена как свидетельство опальности умирающего. И еще один штрих - ранение пулей навывлет /правда, не в грудь, а в спину/ было у Лихарева...

Вот таким сложным и трагическим образом могли переплестись жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова с судьбой В. Н. Лихарева, знакомство с которым могло не состояться, не окажись декабристы и поэт на кубанской земле.

М. Ю. Лермонтов до своей трагической гибели 15 июля 1841 г., еще раз пересек Кубань. Это случилось зимой 1840 г., когда по окончании экспедиции на левый фланг Кавказской линии он возвращался в свой Тенгинский пехотный полк, стоящий в Прикубанье /26. С. 212 /. Вероятно, Лермонтов проезжал через крепость Прочный Окоп, где мог встретиться с Беляевым, Назимовым, Нарышкиным и другими ссыльными декабристами. Следующих встреч с Кубанью уже не произошло.

Библиографические ссылки:

1. Андреев-Кривич С. А. Два распоряжения Николая I //Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 411-430.
2. Андреев-Кривич С. А. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954.
3. Андроников И. Л. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., 1955.
4. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Отрывки //Трудные годы. Декабристы на Кавказе. Краснодар. 1985. 5.
- Бродский Н. Л. Лермонтов и Белинский на Кавказе в 1837 году: Сообщ.//Лит. наследство. Т. 46-48. М., 1948. С. 730-740.
6. Виноградов Б. С. М.Ю. Лермонтов - командир казачьей сотни //Изв. Грози, обл. ин-та и музея краеведения. Грозный. 1959. Вып. 2-3. С. 161-172.
7. Виноградов Б. С. Русские писатели в Чечено-Ингушетии. Грозный. 1958.
8. Виноградов Б. С., Виноградов В. Б. Этюды о Лермонтове // М.Ю. Лермонтов и Чечено-Ингушетия. Грозный. 1981.
9. Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987.
10. Гаджиев Б. И. По следам Лермонтова в Дагестане. Махачкала. 1965.
11. Гаджиев Б. И. Они были в Дагестане. Махачкала. 1963.
12. Гайтукаев К. Б. В пламени слова. Грозный. 1989.
13. Гиреев Д. Л., Недоумов С. И. К истории знакомства Лермонтова с декабристами Я. И. Одоевским, Н. И. Лорером, М. А. Назимовым, М. В. Галициным и др. в Ставрополе в 1837 г. //Лит. наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 507-514.
14. Ениколова И. К. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси. 1940.
15. Лермонтов М. Ю. Завещание //Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6-ти т. М.; Л., 1954. Т. 2. С. 174.

16. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. В 6-ти т. М.; Л., 1956. Т. 6. письмо № 26. С. 438-439. /пер. с франц. С. 730-731/.
17. Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки. М., 1980.
18. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
19. Лорер Н. И. Из записок декабриста //М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964.
20. Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964.
21. Михельсон В. Лермонтов на Кубани //Кубань. 1946. № 2. С. 260 - 273.
22. Михельсон В. На кубанской земле //Кубань. 1964. № 5. С. 32-37.
23. Морозова Т. В. Встречи Лермонтова с декабристами на Кавказе // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сб. 1. Исследования и материалы. М., 1941.
24. М.Ю.Лермонтов и Чечено-Ингушетия. Грозный. 1981.
25. Недоумов С. И., Селегей П. Е. По лермонтовским местам //На Кавказских Минеральных Водах: Путеводитель. Ставрополь. 1960.
26. По лермонтовским местам. М., 1989.
27. Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь. 1954.
28. Попов А. В. Лермонтов в первой ссылке. Ставрополь //Труды Ставроп. пед. ин-та. Ставрополь. 1949. Вып. 3. С. 6-112.
29. Попов А. В. М. Ю. Лермонтов в команде Руфина Дорохова //Уч. зап. Ставроп. пед. ин-та. Ставрополь. 1951. Т. 7. С. 167 - 179.
30. Семенов Л. П. К пребыванию М. Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г. По архивным материалам //Изв. Сев.-Кавк. пед. ин-та. Владикавказ. 1924. Т. 2. С. 39 - 58.
31. Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, Орджоникидзе, 1939.
32. Семенов Л. П. Встречи М. Ю. Лермонтова на Кавказе //Уч. зап. Сев.-Осет. пед. ин-та. Орджоникидзе. 1949. Т. 18. С. 99-115.

33. Соколов В. В. Лермонтов в Тамани// Изв. Таврич. общ-ва ист., археол. и этногр. Симферополь. 1928. Т.2. /59/.

34. Чекалин С. В. Лермонтов. Знакомьсь с биографией поэта... М., 1991.

35. Яковкина Е. И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. Ставрополь. 1962.

**Проблемы историографии и истории Кубани:
Сборник научных трудов. Краснодар. 1994.
С. 130-138.**

**КАВКАЗСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ -
ЗНАКОМЦЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
/в связи с прикубанской тематикой/**

Известно, что М. Ю. Лермонтов с раннего детства неоднократно бывал на Северном Кавказе; с юности и до последних лет жизни имел в своем ближайшем окружении представителей ряда кавказских народов, что чрезвычайно плодотворно воздействовало на его творчество и мировоззрение /1. с. 160-310; 2. с. 80-148/. Следует согласиться с канонизированной формулировкой, согласно которой в кавказских поэмах молодого Лермонтова "отразились не только воспоминания о поездках на Кавказ в детстве, но и чтение литературы о нем, рассказы родственников - Хастатовых и Шан-Гиреев, московских студентов и юнкеров, по происхождению кавказцев" /3. с. 40/. Лермонтоведами проведена большая работа, в результате которой установлен немалый список лиц из кавказского окружения поэта во время учебы в Московском университете, школе гвардейских юнкеров и подпрапорщиков, в по-

вседневной Санкт-Петербургской жизни /4; 5; 6/. Вместе с тем, с каждым годом все четче выявляется группа весьма деятельных, хорошо образованных, прогрессивно мыслящих представителей нарождающейся в сфере российского культурно-научного воздействия кавказской интеллигенции; первых просветителей и ученых из среды народов Кавказа, с которыми был /или мог быть/ знаком, встречался и творчески взаимодействовал М. Ю. Лермонтов.

Нет необходимости основательно обосновывать этот тезис. Важнее провести своего рода "ревизию" накопленных лермонтоведением и исторической наукой данных о разноэтнической когорте лиц, связанных с великим русским литератором и так или иначе влиявших на его осведомленность в этнографической и военно-политической ситуации в Прикубанье, где и сам Лермонтов бывал /1. с. 20-214/. Но именно эти страницы его "кавказской биографии" изучены пока слабее всего.

Сделать подобный обзор нужно хотя бы потому, что в недавнем энциклопедическом издании о М. Ю. Лермонтове нет ни одной персональной статьи, посвященной партнерам поэта из числа кавказцев /3/, что, с одной стороны, просто несправедливо, а с другой - резко сужает фронт перспективных поисков в русле лермонтоведческой проблематики Северного Кавказа вообще и Прикубанья, в частности.

В результате аргументации Н. Л. Бродского /7/ и С. А. Андреева-Кривича /8/ установилось определенное единодушие в признании факта личных контактов между

русским поэтом и первым кабардинским историком и просветителем Ш. Б. Ногмовым. Считается, что от Ногмова еще в отрочестве Лермонтов услышал некоторые полюбившиеся и прочувствованные им фольклорные сюжеты, запечатленные в той части его творчества, которая отражает и кубанские мотивы /"Измаил-Бей" и др./ . Однако остаются неостребованными возможные встречи и их последствия в годы службы Шоры Ногмова оруженосцем, а затем и корнетом в императорском кавказском конвое / 1830-1835/, что совпадает по времени с военным обучением М. Ю. Лермонтова и первыми годами его гвардейской службы.

Больше сомнений вызывает факт знакомства поэта с замечательным адыгским деятелем Хан-Гиреем, хотя он все увереннее провозглашается в ряде историко-краеведческих исследований /9; 10; III/. Поводом для такого заключения послужил вывод С. А. Андреева-Кривича о том, что в основе лермонтовских поэм "Каллы" и "Аул Бастунжи" и повестей Хан-Гирея "Черкесские предания" и "Князь Канбулат" лежат одни и те же адыгские предания прикубанских черкесов. Отсюда Р. Х. Хашхожевой, например, представляется "естественным предположить, что М. Ю. Лермонтов получил их от Хан-Гирея, замечательного знатока и собирателя адыгского устно-поэтического творчества" / 11. с. 15/. Предположение, конечно, не лишено оснований, учитывая широкую столичную известность и высокую компетентность адыгского просветителя и ученого /бжедуга по происхождению/. Но без специальных доказательств и фактических обоснований вопрос всегда останется в сфе-

ре гипотез. Ведь нельзя исключать, что оба автора пользовались параллельно полученной информацией.

Стоит в этой связи обратить особо пристальное внимание и на те сведения, которыми располагал Хан-Гирей о закубанском герое Кзильбече Шеретлукове, частично отразившимися в его повести "Беслый Абат" /11. с. 234-236/. Кзильбеч считается в некотором роде прототипом образа Казбича в "Герое нашего времени". Разумеется, вряд ли Хан-Гирей был единственным информатором Лермонтова о подвигах "удивительно влиятельного среди шапсугов" воина, который умер в 1839 г. Но исключать и тут "нить" взаимной заинтересованности вряд ли правомерно.

Младшим современником поэта был Лукман /в крещении - Дмитрий/ Кодзоков - кабардинский "уорк второй степени" /1818-1849/. Он с детства попал в семью А. С. Хомякова - близких петербургских знакомцев Лермонтова - и провел на российской службе около 20 лет, после чего ушел в отставку и вскоре умер в "своем доме в ауле Абуково" на реке Куме /ныне село Первомайское Ставропольского края/. Доказательством личного знакомства является запись, сделанная рукой Кодзокова в альбоме Лермонтова: "Лукман-бек-Мурзин Кодзоков, Дмитрий Степанович Кодзоков. В Пятигорске 89№" /12. с. 319; 13. с. 50-66/. Предполагается, что Кодзоков находился в Пятигорске в период пребывания там М. Ю. Лермонтова, когда и могла произойти их встреча. Учитывая, что Кодзоков, выполняя служебные поручения, неоднократно бывал в Закубанье, - он наверняка представлялся для Лермонтова человеком, осведом-

ленным в истории и этнографии западных адыгов. Это ярко отразилось и в его трудах. Кстати сказать, тесные дружеские отношения связывали Кодзокова с Шорой Ногмовым.

Видной фигурой в северокавказском просветительстве первой половины XIX века был Султан Казы-Гирей /14; 15; 16/. Традиционно считалось, что он - адыгский /черкесский/ писатель. Но специальные разыскания Р. Х. Керейтова дают достаточно оснований не согласиться с этим, а принять версию о том, что Казы-Гирей - ногаец, чьи "родовые" владения занимали побережье Кубани между устьями Зеленчука и Урупа.

М. Ю. Лермонтов не мог не заметить блестящих публикаций Казы-Гирея в пушкинском "Современнике" /1836 г./ Литературно одаренный и государственно мысливший знаток прошлого и настоящего прикубанских народов так же служил в гвардейском /кавказском/ конвое императора, не раз выезжая на родину. Следовательно, были условия для знакомства Лермонтова и Казы-Гирея и в столице, и на Северном Кавказе. Нужны, очевидно, целеустремленные поиски в этом направлении, которые могут принести интересные результаты. Достаточно сказать, что Султана Казы-Гирея рисовал Г. Г. Гагарин - близкий друг Лермонтова и соавтор некоторых его картин /17/.

Подобная задача стоит и при изучении биографии и деятельности Якуба Шарданова - практика и исследователя обычного права кабардинцев /18; 19/. Историческая фигура эта лишь недавно привлекла взоры ученых. Учитывая характер службы и географию перемещений Я. Шар-

данова, круг его непосредственных знакомств и привязанностей, стоит задаться целью выявления тех точек в судьбах высокообразованного кавказского чиновника и русского поэта, в которых они могли пересекаться. А поскольку Я. Шарданов в своих материалах неоднократно касался вопросов, связанных с жизнью кабардинцев, бежавших в начале XIX века за Кубань, его осведомленность была полезна и интересна для Лермонтова.

Совершенно ясно, что данная публикация не решает проблемы, а только ставит ее в плане дальнейших поисков и находок, которые могут разнообразно обогатить лермонтоведческие сюжеты, связанные с берегами Кубани и их многоплеменным населением.

ЛИТЕРАТУРА:

1. По лермонтовским местам, 2-е доп. изд. М.: Профиздат. 1989.
2. Недоумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Ставропольское книжное изд-во. 1974.
3. Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1981.
4. Андреев-Кривич С. А. Лермонтов и Кабардино-Балкария. Нальчик: Эльбрус. 1979.
5. Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. Ставропольское книжное изд-во. 1954.
6. Виноградов Б. С. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века. Грозный. 1966.
7. Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов. Биография Т. I. М.: Госполитиздат. 1945.
8. Андреев-Кривич С. А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во. 1949.

9. Кумыков Т. Х. Хан-Гирей. Жизнь и деятельность. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во. 1968.

10. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступительная статья и подготовка текста к изданию В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик: Эльбрус. 1978.

11. Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения. Вступительная статья, составление и общая редакция Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус. 1989.

12. Андроников И. Л. Я хочу рассказать вам. М.: Советский писатель. 1971.

13. Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик: Эльбрус. 1985.

14. Кумыков Т. Х. Казы-Гирей. Нальчик. 1978.

15. Керейтов Р. Х. Из истории общественной мысли Северного Кавказа в XIX в.// Археология и краеведение - ВУЗу и школе. /Вторая региональная научно-практическая конференция/. Грозный: ЧИГУ. 1985.

16. Керейтов Р. Х. Новое о Казы-Гирее// Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкессии. Черкесск. 1987.

17. Виноградов В. Сын кубанских берегов// Газ. Успенского района Краснодарского кр. "Рассвет". 5 ноября 1992.

18. Материалы Я. М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века. Составление, введение и примечание Х. М. Думанова. Нальчик: Эльбрус. 1986.

19. Думанов Х. М. Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. Нальчик: Эльбрус. 1988.

Труды молодых ученых Армавирского Государственного педагогического института за 1993-1994 гг. Армавир. 1994. С. 92-96.

ЛЕРМОНТОВСКИЙ “ПРОЧНЫЙ ОКОП”

Пребывание М. Ю. Лермонтова на Кубани и отражение местных реалий в его судьбе и творчестве традиционно концентрируется исследователями вокруг Тамани, Екатеринодара и прилегающих к ним территорий, тогда как комплекс Прочный Окоп - Форштадт - Прочноокопская остаются в глубокой тени, и в лучшем случае лишь упоминаются, как один из пунктов транзитных перемещений сосланного офицера по Северному Кавказу. Это объясняется, прежде всего, отсутствием прямых упоминаний здешних мест в произведениях и эпистолярном наследии Лермонтова. Однако не вскрытый еще пласт информации о “лермонтовском Прочном Окопе” должен связываться с биографиями тех исторических личностей /друзей, знакомцев, сослуживцев поэта/, которых он заставлял здесь в ходе посещения, либо вступал в контакты с “прочноокопцами” в 1837-1841 гг. в иных областях своего пребывания.

Работа в этом направлении кропотлива и не рассчитана на скорый и громкий успех. Но некоторые трассы поиска уже определяются и требуют развития и проверки.

Это касается прежде всего таких ярких деятелей как Николай Васильевич Майер - общепризнанный прототип доктора Вернера в “Герое нашего времени”; Екатерины Петровны Лачиновой - автора нашумевшего романа-памфлета “Проделки на Кавказе” и, конечно же, большой группы ссыльных декабристов, обитавших или бывавших в Прочном Окопе /прежде всего М. М. Нарышкина, братьев Беляевых, К. Г. Игельстрема, Н. И. Лорера, А. Е. Розена,

М. А. Назимова, А. И. Вегелина/ /см. последние по времени издания: Виноградов В. Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир. 1993; Горлова М., Манаенков Л., Лях В. Культура Кубанских станиц. 1794-1917. Краснодар. 1993/. Отдельной строкой звучит Владимир Николаевич Лихарев - самый задушевный друг Лермонтова из круга декабристов, погибший на его глазах в судьбоносном для поэта Валерикском бою 11 июля 1840 г. Об этом А. П. Беляев писал: "Общество наше в Прочном Окопе составляли товарищи наши... В то же время был еще один из наших товарищей Лихарев, но он в это же лето был в экспедиции с Куринским полком, в котором находился и под Валериком убит; когда мы в последнюю экспедицию нашу проходили под Валериком, то увидели, что могилы наших убитых разрыты и тела павших обнажены, ограблены..."

Встает и особая тема: взаимоотношения первых западнокавказских просветителей и писателей /Хан-Гирей, Султан Казы-Гирей и др./ с Лермонтовым, которые базировались /хотя бы и отчасти/ на "Прочный Окоп" с вероятным участием или при косвенном посредничестве художника Г. Г. Гагарина, Льва Сергеевича Пушкина, генерала Г. Х. Засса и многочисленных армейских и казачьих офицеров.

Знаменательно, что в юношеских воспоминаниях местного старожила П. М. Золотарева сохранились отголоски семейных преданий о пребывании М. Ю. Лермонтова в Прочноокопской, что побуждает считаться с возможностью существования еще невыявленных фольклорных сюжетов, осторожно сопоставимых с обнаруживаемыми ныне архивны-

ми сведениями /см.: Телепень С. В., Виноградов В. Б. Заметки о казаках-линейцах. Армавир. 1994; а также публикуемые в этом сборнике тезисы/.

Все вместе это открывает известную /хотя и трудночитаемую/ перспективу в дальнейшем изучении лермонтовской темы на Кубани.

Прочноокопский историко-культурный многоугольник: Материалы научно-практической конференции в честь 200-летия линейно-казачьей Старой Станицы - Прочноокопской /сентябрь 1994 г./ Армавир. 1994. С. 18-19.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ И Н. П. СЛЕПЦОВ: НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СУДЕБ

Продолжая наработки последних лет /см.: Махлевич Я. Л. "И Эльборус на юге..." М. 1991; Виноградов В. Б. Генерал "Сипсо"// Кавказ. 1992. № 1./, следует обратить особое внимание на реалии биографии, связывающие М. Ю. Лермонтова и одного из выдающихся деятелей "Кавказской войны" Николая Павловича Слепцова с Северо-Западным Кавказом, Кубанью.

Еще учась в школе "гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров" под Петергофом, погодки и приятели, "с восторгом зачитывались произведениями А. С. Пушкина", прежде всего "Кавказским пленником" - поэмой, чья сюжетная и образная основа опиралась в значительной мере на Прикубанье. Спустя всего лишь год после выпуска /в 1836 г./ Н. П. Слепцов принял деятельное участие в крупном военном походе к р. Уруп в Закубанье, который

был инициирован генералом Г. Х. Зассом и сыграл важную роль в становлении "боевого характера" нового офицера-кавалериста на Кавказе. Менее чем через год в этих же местах широкой округи крепости Прочный Окоп и в той же военной среде появился Лермонтов, набираясь первых непосредственных кубанских впечатлений. Бесспорно, что "они часто виделись в Ставрополе" в 1840-1841 гг., общаясь со своими многочисленными знакомцами из "команды Г. Х. Засса" разных общественно-политических взглядов и настроений.

Воюя вместе с мятежной Чечней, оба офицера многими нитями были связаны с Кубанью /В. Лихарев - лишь один из трагических примеров/, а бои в Гехинском лесу сыграли истинно судьбоносную и драматическую роль в жизни и смерти каждого из них.

Примечательно, что старый ермоловец генерал Г. Х. Засс и его выученик генерал Слепцов - получили идентичные характеристики в частных эпистолах российской интеллектуально-нравственной элиты на Кавказе - Г. Х. Засс: "храбрый, дельный, умный человек" - А. А. Бестужев-Марлинский; Н. П. Слепцов: "храбрый и умный генерал" - Л. Н. Толстой, а так же и то, что Лермонтов устранился от критических оценок полевой военной доктрины и личности наиболее прославленного кубанца своего времени /Г. Х. Засса/. В то же время некоторые характеристические черты его и Н. П. Слепцова как будто бы формируют творческий интерес писателя к тому типу "настоящего кавказца", который по своему венчал лермонтовскую художественную разработку кавказской темы, обобщая ее от Новой

Линии в Закубанье до Северного Дагестана /"от Кизляра до Тамани"/, /см.: Виноградов Б. С., Виноградов В. Б. "Кавказец" М. Ю. Лермонтова// Вопросы Чечено-ингушской литературы. Грозный. 1968. С. 61-72/. Продолженная тем самым традиция оказалась весьма плодотворной в российской общественной мысли и науке /см.: Матвеев О. В. Дубровин Николай Федорович /1837-1904/. Био-библиографический очерк. Армавир. 1994. С. 8-9/.

Археология и краеведение Кубани: Материалы Третьей межвузовской студенческо-аспирантской научной конференции. Аннотации докладов Армавирской делегации. Краснодар-Армавир. 1995. С. 13-14.

ОБРАЗ "ПРОКОНСУЛА КАВКАЗА" В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В детстве Лермонтов бывал на Кавказе в 1820 и в 1825 гг., когда многие в российском обществе уповали на "благотворный гений Ермолова" /А. С. Пушкин/ в решении хитросплетения местных сложных проблем. Последующие две кавказские ссылки /1837, 1840-1841/ в пору гражданской и творческой зрелости определили заметное место образа "проконсула Кавказа" /как называл себя сам генерал/ в разножанровых произведениях русского поэта и писателя.

"Ермоловский пласт" информации и ее художественное осмысление в прозе Лермонтова связаны прежде всего с воспоминаниями старого кавказского офицера Максима Максимыча /"Герой нашего времени"/, на глазах которого

прошел весь период "начальствования" А. П. Ермолова на Кавказе. Скупые слова опытного и добросердечного служаки повсеместно проникнуты глубоким уважением к личности Ермолова, его военным заслугам и "воспитательным" приемам. Характерно, что Максим Максимыч не называет высокочтимого им генерала по фамилии, а величает "по-свойски" - именем-отчеством /"Алексей Петрович"/. Далеко не каждый командир в российской армии удостоивался подобного! Оттого-то и в очерке "Кавказец" А. П. Ермолов предстает неоспоримым символом русского Кавказа в как бы мимолетной реплике о том, что горская "национальная" бурка в глазах офицеров прославлена "портретом Ермолова" /художника Д. Доу, 1825/.

В лермонтовской поэзии Ермолов прямо упоминается в программном для поэта стихотворении: "Я к вам пишу случайно; право..." /"Валерик"/ в характерной походной сценке: "Вот разговор о старине/ В палатке близкой слышен мне;/ Как при Ермолове ходили/ В Чечню, в Аварию, к горам./ Как там дрались, как мы их били,/ Как доставалось и нам..." В этих строках нет идеализации, как и в эпизоде из поэмы "Мцыри", где фигурирует некий "русский генерал", который, проезжая "из гор к Тифлису", оставил на попечение монахов больного пленного мальчика - героя поэмы. В лермонтоведении общепринято, что здесь подразумевается А. П. Ермолов.

Совершенно иные тональность и подтекст присущи фрагменту стихотворения "Спор", в котором судьба неотвратимого покорения Кавказа связывается с демонстрацией военной мощи России под водительством безымян-

ного полководца, надежно угадываемого современниками /"И испытанный трудами/ Бури боевой/ Их ведет, грозя очами,/ Генерал седой"/.

Проблема "Ермолов и Лермонтов" значительно шире вышеобозначенных подходов. Она разносторонне перспективна при интегрировании в рамках преподавания регионоведческих курсов в вузах и школах данных истории и литературы, как своеобразных источников для постижения кавказской "старины", столь увлекающей и волнующей нас - россиян конца XX века /см.: Виноградов В. Б., Ларина С. М. История Кубани в русской художественной литературе /до начала XX века/. Программа интегрированного курса для школ, гимназий и лицеев. Армавир. 1994/.

Историческое регионоведение - ВУЗу и школе: Материалы Четвертой региональной научно-практической конференции. Армавир. 1995. С. 18. /В соавторстве с Ю. Ю. Клычниковым/.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ И Г. Х. ЗАСС

Побывав на Кубани в 1837 г., М. Ю. Лермонтов до конца своей жизни оказался связан воспоминаниями, творчеством, всей судьбой с ее природой, обстоятельствами и людьми. Среди наиболее ярких исторических личностей той эпохи на Правом фланге Кавказской линии был генерал барон Г. Х. Засс, чья резиденция располагалась в укреплении Прочный Окоп.

Объехав "всю Линию" "от Кизляра до Тамани", Лермонтов бывал в станице Прочноокопской и во многих иных,

протянувшихся по правобережью Кубани /Виноградов А. В. Лермонтовский "Прочный Окоп">// Прочноокопский историко-культурный многоугольник: Материалы конференции. Армавир. 1994. С. 18-19/. Он вступал в непосредственное общение с линейными казаками /так, один из них сопровождал его от Ставрополя через Тамань до Геленджика/, в песнях которых "генерал Засс" всячески восхваляется и любовно именуется "Зассушкой", воспеваются его воинские, почти богатырские подвиги /см.: Песни станицы Кавказской. Краснодар. 1993. С. 239-240/.

Еще задолго до первой ссылки на Кавказ М. Ю. Лермонтов познакомился с поэмой А. И. Полежаева "Чир-Юрт", в которой выведен образ "отважного Засса": "...всегда в виду, всегда в огне, под ним летает конь гусарский". И это должно было импонировать Лермонтову-гусару. В связи с приездом на Кубань вряд ли могла не достичь Лермонтова характеристика, данная Зассу А. А. Бестужевым-Марлинским, авторитет которого в кавказских кругах был высок: "Он храбрый, дельный, умный человек: он усмирил Закубанье и силой и хитростью, не щадя ни своей, ни вражеской крови, несмотря на средства - то картечью, то пулей - и лучше его на место им занимаемое не только найти, выдумать нельзя..." А Н. М. Сытин - хороший знакомец, частый собеседник Лермонтова - аттестовал Засса "веселым, честным немцем", чьим гостеприимством и хлебосольством он сам и его друзья-декабристы "часто пользовались" в 1837 и последующих годах. Немало страниц собственно декабристских воспоминаний и записок было посвящено Зассу, и при всей разности оценок его характера,

действий и поступков /см.: Трудные годы. Декабристы на Кавказе. Краснодар. 1986, Выродов Б. Л. Декабристы и Средняя Кубань. Армавир. 1994/ становится ясно, что популярность барона Г. Х. Засса на Кубани была чрезвычайно велика /см.: Виноградов В. Б. Он умирил Закубанье...: Черты портрета генерала фон Засса// Российский исторический журнал. 1994. № 2. С. 15-22/. Последнее подтверждается и тем, какое место отведено Зассу в романе-памфлете Е. Хамар-Дабанова "Проделки на Кавказе", написанном Е. П. Лачиновой, близко знавшей М. Ю. Лермонтова в конце 1830-х гг. Перечень свидетельств того, что Лермонтов был много слышан о прославленном генерале, вероятно, даже знаком с ним, можно продолжить. Однако в творчестве /поэтическом, прозаическом, эпистолярном/ классика русской литературы нет и намек на Г. Х. Засса в отличие, например, от его предшественника и наставника - генерала А. П. Ермолова /см.: Виноградов А. В., Клычников Ю. Ю. Образ "проконсула Кавказа" в творчестве М. Ю. Лермонтова// Историческое регионоведение - ВУЗу и школе. Армавир. 1995. С. 18/.

Вряд ли это случайно. Скорее - своего рода демонстрация авторского неприятия крутых военно-репрессивных действий, присущих генералу Зассу в его кубанской практике. Именно они получали порицание наиболее радикально мыслящих декабристов и представителей иных оппозиционных кругов, олицетворявших собой важнейший компонент "российскости" в условиях Кавказа /Виноградов В. Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. Армавир. 1995. С. 146-147/.

В период первой ссылки эта проблематика не получила своего развития. Вторая же вынужденная поездка /1840-1841/ определила важнейшие мировоззренческие принципы М. Ю. Лермонтова, отразившиеся в стихотворении "Родина", в котором поэт прямо отвергает "славу, купленную кровью", в качестве аргумента любви к своему Отечеству /Афанасьев В. Лермонтов. М., 1991 /.

Археология и краеведение Кубани: Материалы IV межвузовской студенческо-аспирантской научной конференции. Краснодар-Армавир. 1996. С. 30-32.

КУБАНСКИЕ КАЗАКИ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ /ДО СЕРЕДИНЫ XIX в./

В последние годы предпринимаются шаги к научному осмыслению русской художественной литературы как своеобразного и весьма содержательного источника об историческом прошлом Кубани, ее полиэтничного населения /см.: Виноградов В. Б., Ларина О. М. История населения Кубани в русской художественной литературе /до начала XX века/. Армавир. 1994/. Достойное место в этой проблеме занимает и казачество Кубани.

В почти забытом стихотворении А. Столыпина "Письмо с Кавказской Линии к другу моему Г. Г. П. в Москве" /1795/ при описании здешних мест /"...край здоровый, / Довольно населен российскими людьми.."/ линейные казаки только подразумеваются, как и в мимолетном упомина-

нии в кавказском контексте "донских богатырей станицы" в "Послании к Воейкову" В. А. Жуковского /1814/.

Величественный образ казачества встает в творчестве А. С. Пушкина /"Под буркою казак, Кавказа властелин..."/, где кубанская казачья тема всплывает особенно ярко и конкретно в блистательном "Кавказском пленнике" /1820/, в "Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года", в эпистолярном наследии, в незаконченной поэме "Тазит" /1834/. Великий литератор глубоко интересовался этнографией местного казачества. Он первым заметил и уяснил отличия "черноморских и донских казаков".

К 1826 г. относятся поэтические "Воспоминания" С. Д. Нечаева и "Наброски поэмы из кавказского военного быта" К. Ф. Рылеева, содержащие убедительные попытки художественной подачи романтическими средствами казачье-горских отношений, в том числе на Кубани.

Броские и достоверные приметы жизни и культуры кубанского /черноморского/ казачества присутствуют в стихотворной поэме А. Шидловского "Гребенской казак" /1830/, где автор представляет версию, что предгорья Кавказских гор были широко заселены потомками запорожцев, "бежавших от притеснений и внутренних раздоров".

Кубанские мотивы не редки в стихах А. И. Полежаева, служившего на Правом фланге Кавказской линии /станция Прочноокопская/. Теме линейного казачества посвящены, например, его произведения "Ночь на Кубани" и "Казак" /1830/. Если в первом воссоздается типичная модель казачье-горских отношений на "гремучей Кубани", то второе - великолепная этнографически-психологическая зарисов-

ка старовера-линейца в экстремальных условиях военных действий и семейного конфликта.

В кавказском творчестве А. А. Бестужева-Марлинского /включая письма/ тема казачества на Кубани эпизодична. Однако "Адлерская песня" и "Ой, по морю плывут флоты-корабли" /1837/ исключительно близки казачье-народной поэзии, что и определило их последующую судьбу.

В лермонтовских юношеских произведениях казачьи мотивы достаточно невяжны с географической и историко-культурной точек зрения. Поэту удалось в 1837 г. "объездить всю Линию вдоль, от Кизляра до Тамани" /письмо С. А. Раевскому/, что отразилось в его творчестве. Хотя версия И. Л. Андроникова о написании на Кубани "Казачьей колыбельной песни" /1836/ вряд ли правомочна, но глубокие, конкретные кубанские, черноморско-линейные казачьи впечатления отразились в повести "Тамань", очерке "Кавказец" и ряде поэтических произведений, написанных Лермонтовым в последние годы жизни.

К его творчеству как бы примыкают художественные опыты Н. С. Мартынова, в которых описывается ситуация в низовьях Кубани /"Гуаша". 1837/, а также подвиги линейцев Кубани в Чечне /"Герзель-Аул". 1840/. И здесь сообщаются ценнейшие /порой уникальные/ этнографические сведения, а ратное мастерство и доблесть линейцев всячески восхваляются.

Разнообразные, достоверные свидетельства о самых различных сторонах истории и этнографии линейных казаков Кубани содержатся в малоизвестном /запрещенном Николаем II/ романе Е. Хамар -Дабанова /псевдоним Е. П.

Лачиновой/ "Проделки на Кавказе" /1844/, который достоин специального историко-этнографического изучения /см.: Виноградов В. Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир. 1993. С. 78-83, Плаксина О. А. Сведения о казаках-линейцах в романе Е. Хамар-Дабанова "Проделки на Кавказе"// Казаки-линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска. Армавир. 1996/.

В "Записках" декабристов Н. И. Лорера и А. П. Беляева много живых, подмеченных внимательными наблюдателями деталей кубанских станиц, образа жизни и основных занятий кубанских казаков /чаще всего - линейных/. Этим авторам принадлежит описание возникновения Новой Линии вдоль р. Лабы.

Истинной энциклопедией "линейной жизни" казаков стала повесть "Казаки", впитавшая в себя и впечатления о посещении Л. Н. Толстым в 1854 г. берегов Кубани, и информацию толстовских знакомцев и сослуживцев, оставивших след в истории событий на Правом фланге /см.: Виноградов В. Б. Этнографический материал в повести Л. Н. Толстого "Казаки"// Сов. этнография. 1957. № 3. С. 33-43; Махлевич Я. Л. "И Эльборус на юге..." М., 1991/.

В последующем казачья /как и вообще кубанская/ тематика в русской художественной литературе резко сокращается в связи с окончанием присоединения Закубанья к России.

Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар. 1996. С. 44-47. /В соавторстве с В. Б. Виноградовым/.

1841 ГОД. ЛЕРМОНТОВ?

Более полутора веков прошло с момента трагической гибели Михаила Юрьевича Лермонтова; сто с лишним лет специалисты изучают наследие великого русского литератора, но до сих пор творчество поэта является предметом научных споров. Современное лермонтоведение еще не расставило "всех точек над i": осмысление жизни и творчества Лермонтова приводит на качественно новый уровень исследование его биографии и произведений, порождает новые интересные гипотезы.

К их числу следует отнести открытие Александра Михайловича Горшмана, признанного знатока вооружений, форм и регалий XVIII - XIX веков, который разглядел в "Портрете неизвестного" - картине кисти Р. К. Шведе, литографированной Л. Я. Белоусовым и хранящейся в Орловской областной картинной галерее - Михаила Юрьевича Лермонтова. Такой вывод был сделан на основе сопоставления формы одежды "неизвестного" Шведе с мундиром поэта на акварельном портрете К. А. Горбунова, который был написан в феврале 1841 года /5. с. 153/.

Собственно говоря, орловская литография не дает однозначного подтверждения того, что форма принадлежит Тенгинскому полку, в котором служил опальный поручик Лермонтов во время второй кавказской ссылки 1840-1841 года: отсутствие расцветки не позволяет распознать цвета, характерные для мундира тенгинцев, без эполет нельзя установить чина молодого офицера. Но сходство формы и аммуниции неоспоримо.

Версией А. М. Горшмана увлекся Я. Л. Махлевич, попытавшийся на страницах своей книги обосновать и аргументировать эту догадку. В своих разработках Махлевич делал акцент на возможность того, что Шведе, рисовавший Лермонтова на смертном одре, мог написать портрет поэта с натуры на фоне живописного ландшафта Пятигорья в период с мая по июль 1841 года; а также на то, почему указанный портрет не стал объектом изучения исследователей, специально занимающихся этой темой /5. с. 152-17 1/.

Факты и размышления, приводимые Махлевичем, безусловно интересны и в определенной степени объясняют "выпадение" как литографии, так и оригинала из поля зрения лермонтоведов. Но вопрос о том, Лермонтова ли рисовал Шведе, все-таки остается открытым.

Для обоснования или опровержения гипотезы необходимы дополнительные изыскания.

Не вдаваясь в подробности аргументации Махлевича, обратим внимание на иную сторону проблемы. При сравнении внешности "неизвестного" Шведе с портретами Лермонтова кисти П. Е. Заболотского /1837 год/, А. И. Клюндера /1838 год/, да и самого К. А. Горбунова, бросается в глаза явная несхожесть с привычным живописным образом поэта /6. прил./.

Хотя можно отметить, что каждый из названных художников по-своему рисовал поэта и разница изображений бывает значительна.

Правильный овал слегка продолговатого лица, высокий лоб, большие выразительные глаза, прямой /у Клюндера и Горбунова/ или чуть вздернутый /у Заболотского/ нос, мягкие контуры подбородка, характерная ямочка на

верхней губе, не закрытая обычно подкрученными наверх усами, относительно длинные волосы, зачесанные на висках вперед - таким предстает М. Ю. Лермонтов на этих картинах.

Шведовский же "неизвестный", несмотря на явное сходство формы и аммуниции /особо следует выделить черную шейную косынку и горскую саблю "клыч"/ с акварелью Горбунова, поражает "несхожестью" именно лица. А ведь если предполагать в "неизвестном" поэта, то мы имеем дело с очень близкими хронологически изображениями.

С картины Шведе смотрит коротко стриженный скуластый молодой офицер в суконной фуражке с козырьком /последняя деталь - существенная помеха для точных сравнений с другими портретами формы и размеров лба и в некоторой степени прически "неизвестного"/. Чуть раскосые миндалевидные глаза, едва заметная ямочка на подбородке, негустые усы концами вниз /5. с. 157/. Сравнение с горбуновской живописной "версией" позволяет усомниться в том, что именно поэт здесь изображен с натуры. Но делать окончательные заключения, опираясь лишь на это внешнее и поверхностное сопоставление, вряд ли целесообразно.

Займемся для начала акварельным портретом самого Горбунова. Может ли он считаться эталоном для сравнений? Картина, сделанная на скорую руку была далека от совершенства. Биограф поэта П. А. Висковатов отозвался о горбуновском портрете: "Самый распространенный в сюртуке с шашкой и ремнем через плечо, самый несхожий". По словам самого художника, акварель, начатая с

натуры, была дорисована по памяти после гибели Лермонтова. Знакомые поэта отмечали "безобразие" работы Горбунова /5. с. 170/. Но явное несовершенство этой картины еще ничего не доказывает...

Обилие интерпретаций нюансов внешности поэта на различных полотнах, а так же частичное несопадение изображений Лермонтова с его автопортретом 1837 года, побуждают обратиться к воспоминаниям современников.

Екатеринославский помещик П. И. Магденко, которого судьба свела с М. Ю. Лермонтовым весной 1841 года, описывал его так: "Он был среднего роста, с некрасивыми, но невольно поражающими каждого симпатичными чертами, с широким лицом, широкоплечий, с широкими скулами /здесь и далее подчеркнуто автором,- А. В./, немного сутуловат" /4. с. 256/. Важная деталь - широкие скулы, которые обычно не просматриваются на портретах.

Более подробные и весьма интересные данные содержатся в воспоминаниях И. П. Забеллы, датированных также весной 1841 года. Забелла видел поэта в Петербурге незадолго до окончания отпуска поручика Лермонтова и его возвращения на Кавказ - то есть примерно в конце марта - начале апреля. Этот вывод можно сделать на основе косвенных данных - бабушка поэта Е. А. Арсеньева рассказывала матери тринадцатилетнего подростка, "что срок отпуска ее внука подходит к концу, и, несмотря на ее усиленные хлопоты и просьбы, его здесь не оставят, надо опять ему возвращаться на Кавказ, опять идти в экспедицию и подставлять лоб под черкесскую пулю" /3. с. 227/. Извест-

но же, что Лермонтов покинул столицу в середине апреля /2. с. 451/.

Забелла весьма своеобразно и эмоционально описал объект своего заочного почитания. Отметив несходство портретов Лермонтова с его действительной внешностью, он подчеркивал меткость его давнего /еще с периода обучения в школе гвардейских юнкеров/ прозвища "Маешка", отмечал "безобразность" лица поэта.

"Огромная голова, широкий, но невысокий лоб, выдающиеся скулы, лицо коротенькое, оканчивающееся узким подбородком, нос вздернутый, фыркающий ноздрями, реденькие усики и волосы на голове, коротко стриженные. Но зато глаза!... То были скорее длинные щели, а не глаза, и щели, полные злости и ума" /3, с. 226/. Схожее, но гораздо более короткое описание давал сослуживец Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому полку, его "однокашник" по юнкерской школе А. Ф. Тиран. Он отметил "небольшие, калмыцкие глаза" поэта /7. с. 113/.

Лермонтов произвел на Забеллу "впечатление жуткое", чем должна быть объяснима тональность описания. Но сколько нового для воссоздания внешности! И очень важно, что интервал между ним и картиной Шведе /если предположить на ней Лермонтова/ всего пара месяцев. Многие черты, обозначенные Забеллой, а именно - широкие скулы, разрез глаз, короткие волосы, редкие усы - совпадают с внешностью "неизвестного". Хотя волосы-то за два три месяца могли и отрасти, но в остальном...

Попробуем теперь сопоставить две картины Шведе - "Портрет неизвестного" и посмертное изображение Лер-

монтова, сделанное художником на следующий день после трагической дуэли. Заметное сходство: коротко стриженные волосы, чуть приоткрытые миндалевидные глаза, четко выступающие скулы, редкие усы примерно той же конфигурации, что и у "неизвестного", та же ямочка на подбородке, даже ухо очень похожей формы. Может быть, случайные совпадения? Исключить этого, конечно, нельзя, но игнорировать черты внешнего сходства невозможно. А если картина Шведе "Лермонтов на смертном одре" - аналогия "горбуновскому безобразию"? Тогда сопоставления во многом теряют смысл.

Знакомые Лермонтова по-разному оценивали произведение Шведе. Д. А. Столыпин писал А. А. Бильденрингу: "Посылаю по сегодняшней почте портрет Лермонтова, снятый после его смерти; брат мой Алексей Аркадьевич, поручил его написать единственному живописцу, в то время бывшему в Пятигорске. Если не ошибаюсь, живописец был из солдатиков /здесь Д. А. Столыпин как раз ошибается! - А. В./ и живопись нехороша, но память дорога, так как это единственный снимок" /б. с. 68/. Что имел в виду Столыпин, отмечая несовершенство картины? Искажение черт лица? Или какие-то "технические" дефекты? Трудно сказать.

Но есть и другой отзыв, принадлежавший А. И. Арнольди: "Шведе по заказу Столыпина написал портрет с покойного... Я нахожу его лучшим портретом Лермонтова, даже лучше того, которым сестра моя владеет и поныне /в молодых еще летах, в гусарском ментике/" /Речь идет о копии с портрета Лермонтова работы Заболотского 1837

года, - А. В./, /1. с. 472/. Кроме того, у Лермонтова кисти Шведе больше сходства с приведенными "словесными портретами"; по некоторым чертам - формы глаз, губ, усов - его работа напоминает полотна кисти Заболотского и Клюндера, да и сам лермонтовский автопортрет в бурке 1837 года.

Таким образом, можно констатировать известную похожесть молодого офицера шведовского портрета на посмертное изображение Лермонтова его же кисти, а так же их определенное сходство со словесными описаниями некоторых современников поэта.

Приведенные соображения не являются прямыми доказательствами версии Горшмана, но могут послужить дополнительными аргументами в пользу правомерности гипотезы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Арнольди А. И. Записки// Литературное наследство. Т. 68. 1952.
2. Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: "Современник". 1987.
3. Забелла И. П. Из моих воспоминаний// М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. Пензенское книжное изд-во. 1960.
4. Магденко П. И. Воспоминания о Лермонтове// Там же.
5. Махлевич Я. Л. "И Эльборус на юге...". М.: "Советская Россия". 1991.
6. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. Т. 2. М.Ю.Лермонтов. Изд-во АН СССР. М-Л. 1953.
7. Тиран А. Ф. Воспоминания о Лермонтове// М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. Пензенское книжное изд-во. 1960.

Вопросы Северокавказской истории /сборник научных статей аспирантов и соискателей/. Вып. 1. Под ред. В.Б.Виноградова. Армавир. 1996. С. 43-47.

“НАСТОЯЩИЙ КАВКАЗЕЦ” И ЕГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОТОТИПЫ

Очерк М. Ю. Лермонтова “Кавказец”, написанный в начале 1841 г., но увидевший свет только в советское время /1929 г./ свидетельствует о творческом интересе выдающегося русского литератора к истории становления сложного внутреннего мира тех своих соотечественников, что подверглись воздействию различных национальных культур /конкретно: русской и “восточной”, азиатской/ в общих рамках державной российскости. В лермонтоведении справедливо отмечается, что образ “настоящего кавказца” - большое художественное открытие Лермонтова, что поэт “выхватил” образ кавказца из самой гущи повседневной кавказской жизни как своеобразный тип, порожденный реальными общественно-историческими обстоятельствами /1, с. 61-62; 2, с. 45-46/.

Важно, вместе с тем, что тип этот в его наиболее характеристических чертах был вполне объективен и выразителен, так как он /чем дальше, тем более!/ улавливается своими генеральными свойствами, а также и как бы выкристаллизовывается в художественном и эпистолярном наследии таких разномасштабных и отнюдь не единомыслящих современников как А. А. Бестужев-Марлинский, Е. П. Лачинова /Е. Хамар-Дабанов/, Н.С.Мартынов, император Николай I, Л. Н. Толстой и другие /3, с. 107-108/.

На наш взгляд, выработка образа началась на рубеже 1820-1830-х гг., в послеермоловскую эпоху, когда в среде русских, оказавшихся на Кавказе, все более стало прояв-

латься стремление разносторонне адаптироваться к местным условиям.

Вот, например, фрагмент впечатлений одного из очевидцев, увидевших Дагестан и Закавказье в начале 1830-х годов: "Не правда ли, вы ожидаете от меня громких фраз, неистового изумления, вы уже приготовлены к сцене первой встречи с Черкесом?.. И точно: удивление мое чуть не превратилось в столбняк, только совсем от другой причины. Отчаянный наездник, безукоризненный Горец заговорил самым чистым велико-русским наречием: это был русский офицер, по каким-то делам приехавший из соседнего отряда. Кто же знал, что русские офицеры, умеют маскироваться Горцами и притом так искусно, что "путешественник по Востоку" может принять их за чистых Черкесов? Разумеется, офицер старался передо мною, как перед новичком, показать всю роскошь своего горского костюма, все удобства черкесского облачения, но я, профан, никак не мог взять на первый раз в толк, отчего чевяки, башмаки без толстой подошвы и каблуков, лучше наших сапогов, почему шашка рубит сильнее, чем сабля, отчего седло с деревянными уключинами спереди и сзади удобнее чисто кожаного, какое преимущество имеют широкие неуклюжие стремяна Горцев перед нашими, и многое другое, чем офицер так гордился. Мне казался странным русский человек в черкесском наряде, и я пятился от него, будто от иноземца, между тем как офицеры низового укрепления с восторгом созерцали его драгоценный кинжал и его бесценную шашку..." /4, с. 58/.

В один ряд с приведенным отрывком можно поставить многое, в том числе и слова Печорина, отражающие, как мы считаем, ситуацию его пребывания на Кавказе в 1832-1833 гг. /5, с. 11-13/: "в черкесском костюме я верхом больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы..., я долго изучал горскую посадку... мое искусство в верховой езде на кавказский лад..." и т.п. Знаменательно, что, если еще в первой трети XIX в. "в одежде и вооружении отдельных линейных полков наблюдается тенденция к унификации "по черкесскому образцу", то с началом 1831 г. реформа перехода на одежду и вооружение "азиатского типа" у линейцев происходит вполне официально /6, с. 17-28/.

И хотя все перечисленное - это своего рода "маскировка" под горские образцы, но за ними угадывается и нечто более глубокое, что, собственно, и служит основой формирования типа русского "кавказца" в его основных разновидностях. Причем здесь уже все более играют роль отнюдь не внешние атрибуты и признаки.

В письме своим братьям, написанном в "карантинном лагере на Кубани, близ Ольгинского тет-де-пона" 23 ноября 1836 г. А. А. Бестужев-Марлинский в контексте грустного рассуждения, что "дым отечества" сюда "не долетает..., его не чует даже обоняние, изощренное несчастием", бросает фразу, имеющую ключевой характер: "Русские там полуазиатыцы..." Она заставляет вспомнить лермонтовское типологически образующее качество "настоящего кавказца": он "есть существо полурусское, полуазиатское..."

А реплика в письме П. А. Бестужеву, отосланном неделей раньше /"Скучна была война..." / невольно переэплика-

ется с корневым состоянием “мрачного и молчаливого” лермонтовского героя с его знаменитым “Скучно!...” /7, с. 129/.

Это - уже психологические “нюансы” большого значения!

Одновременно с писателем-декабристом вплотную приближается к данной проблеме приятель и будущий убийца М. Ю. Лермонтова Николай Соломонович Мартынов. Он всю жизнь писал стихи, пробовал себя и в прозе. Незавершенная повесть “Гуаша” создавалась по свежим впечатлениям пребывания на Кубани /в том же самом Ольгинском/ в 1837 г. /8, с. 111-118: 9, с. 28-30/.

Характеризуя своего героя - гвардейского офицера Долгорукова, приехавшего служить на Кавказ, Н. С. Мартынов дает остро критическую оценку столичным кругам и нравам: “Петербургская среда портит людей, это для меня аксиома, не требующая доказательств. Как во всех больших центрах, в петербургском свете берут начало и развиваются все те мелкие страсти и пороки, которыми так страдает наше современное общество: эгоизм, тщеславие, интриги, фанфаронство - вот обыкновенные спутники этого блестящего ничтожества...” и т.д. В противовес этому рисуется с большим внутренним одобрением “совершенно отдельная от мира кавказская жизнь”, где “все происходящее несколько не похоже на всю остальную Россию”, где люди отличаются не по “степени благовоспитанности”, а по “действительным достоинствам”, где настоящие коренные кавказцы /здесь и ниже выделено нами,- авт./ составляют молодых рассказами о “прежних экспедициях и

давно совершенных ими походах”, где, наконец, “кавказские неофиты”, ценя простые и естественные отношения с “ветеранами”, ко всему остальному относятся снисходительно, “легко извиняя... даже некоторые предосудительные поступки и привычки, если только вытекали они прямо из общего строя кавказской жизни...” /7, с. 135-137/.

Князь Долгорукий, вышедший “чистым и невредимым из этого одуряющего /петербургского/ омута... сразу понял свое новое положение и оценил по достоинству людей, его окружающих... Зато как и любили его все кавказцы, начиная от старших, к которым, можно сказать он влез в душу через свое очаровательное обхождение, и кончая юнкером или разжалованным в отряде” /7, с. 137/.

Бросается, разумеется, в глаза достойная специального исследования переключка с лермонтовским очерком /9, с. 30/. Однако при всем терминологическом и образном подобии здесь нельзя говорить о тождестве взглядов. Рискнули бы сказать, что зафиксированный Н. С. Мартыновым статус “настоящих”, “коренных кавказцев” выдает еще преобладающую синкретичность улавливаемого образа, его содержательную неопределенность.

Именно это, по нашему мнению, и породило недавнюю полемику вокруг исторического толкования “кавказцев” лермонтовского типа /сравните, например: 10, с. 49-51; 11, с. 6; 12, с. 31-32/. Хотя, в принципе, мысль О. В. Матвеева о возможности /с определенными эпохальными и смысловыми оговорками!/ считать “настоящих кавказцев” первыми евразийцами заслуживает понимания и одобрения. Ведь

М. Ю. Лермонтов полагает, что у них "наклонность к обычаям восточным берет перевес..."

Но куда важнее все же посмотреть "прямыми глазами истины" /В. Г. Белинский/ на те черты образа "настоящего кавказца", которые по мнению писателя определили характер этого своеобразного типа россиян XIX в.

Оставляя подробности будущему исследованию, ограничимся пока самым главным. "...Чуждый утонченностей светской и городской жизни, он /настоящий кавказец,- авт./ полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные... Он легонько маракует по-татарски... Страсть его ко всему кавказскому доходит до невероятия..." /М. Ю. Лермонтов/. И страсть эта отнюдь не "пагубна", как считают некоторые лермонтоведы /13, с. 363/, а *спасительна*, ибо именно она, объективно мотивированная и искренняя, спасала "настоящего кавказца от превращения в бездушную, беспощадную военную машину для реализации имперских планов и крайностей их осуществления" /см. систему доказательств: 1, с. 64 - 65/.

Поэтому-то не убеждают попытки представить "настоящего кавказца" воплощением доминирующих признаков "русской армии, отстаивающей державные, имперские интересы", приписывая заодно и самому Лермонтову поры его творческой зрелости "устойчивое имперское мышление" /10, с. 50/. Вопрос видится куда сложнее и решается он, скорее всего, в русле поставленной и разрабатывае-

мой сегодня концепции **РОССИЙСКОСТИ**, как генерального фактора, определявшего ход интеграции Кавказа в историко-культурное поле нашего Отечества /см.: 14, с. 11-12; 16, с. 13-15; 16, с. 8-9; 17, с. 5-6, 18/.

Именно оттого-то "настоящий кавказец" - человек удивительный, достойный всякого уважения и участия" /М. Ю. Лермонтов/, как и сам его автор-исследователь, решившийся "открыть" его российской общественности /и остановленный цензурой/ одновременно с созданием поэтического шедевра /"Родина"/ - неопенимого для понимания лермонтовского патриотизма и его многообразных, многомерных истоков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Виноградов Б. С., Виноградов В. Б. "Кавказец" М. Ю. Лермонтова// Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Т. У. Вып. 3. Литературоведение. Вопросы чечено-ингушской литературы. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. 1968.

2. Виноградов Б. С., Виноградов В. Б. Этюды о Лермонтове// М. Ю. Лермонтов и Чечено-Ингушетия. Сборник статей. Грозный. Чеч.-Инг. кн. изд-во. 1981.

3. Виноградов А. В., Виноградов В. Б. "Настоящие кавказцы" в контексте российской информационной культуры середины XIX века/ / Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее. Международная научная конференция. Краснодар-Новороссийск 11-14 сентября 1996 г. Тезисы докладов. Краснодар. 1996.

4. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Издание 2-е, пополненное. Казань. 1850. Искренне признательны аспиранту Ю. Ю. Клычникову за предоставление нам этого фрагмента.

5. Виноградов В. Б. Памяти вечная нить. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. 1988.

6. Матвеев О. В. *Форменная одежда казаков-линейцев Кубани.* Краснодар-Армавир. 1995.
7. *История Кубани в русской художественной литературе /досоветский период/. Часть 1. Хрестоматия.* Сост. В. Б. Виноградов, О. М. Ларина /при участии А. В. Виноградова и О. А. Плаксиной/. Армавир. 1996.
8. *Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями.* Тамбов. 1904.
9. Токарева О. С. Н. С. *Мартынов и Кубань /к постановке вопроса// Археология и краеведение Кубани. Материалы IV межвузовской студенческо-аспирантской научной конференции.* Краснодар-Армавир. 1996.
10. Матвеев О.В. *Имперское мышление в исторических судьбах народов Северного Кавказа// Вопросы северокавказской истории.* Вып. 1. Армавир. 1996.
11. Виноградов В. Б. *Проблемы истории Северного Кавказа: степень актуальности и уровень исследования// Там же.*
12. Виноградов А. В. М. Ю. Лермонтов и Г. Х. Засс// *Археология и краеведение Кубани: Материалы IV межвузовской студенческо-аспирантской научной конференции.* Краснодар-Армавир. 1996.
13. Герштейн Эмма. *Судьба Лермонтова.* М.: Советский писатель. 1964.
14. Дударев С. Л. Школа В. Б. Виноградова: истоки, этапы, идеи/ *Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В. Б. Виноградова /1964-1994/. Часть 1.* Армавир. 1994.
15. Виноградов В. Б. *Российскость - основа русско-кавказского историко-культурного единства// Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. Научные труды.* Вып. II. Армавир. 1995.
16. Виноградов В. Б. *О формировании новой концепции всемирной истории// Российский исторический журнал.* 1996. № 1.

17. Кузеванов Л. И. Неклассическая концепция истории// Российский исторический журнал. 1996. № 3.

18. Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России /вторая половина XVIII - первая треть XIX в./ Армавир-Грозный. 1996.

**Вопросы Северокавказской истории. Вып. 2.
Армавир. С. 55-60. 1997. /В соавторстве с В. Б.
Виноградовым/.**

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНО-ЯЗЫКОВОГО ФОНА В ПОВЕСТИ "ТАМАНЬ"

Едва ли не общепризнано, что одно из лучших произведений русской литературы - повесть "Тамань" - опирается на реальные события и лица, с которыми М. Ю. Лермонтов познакомился в Тамани в 1837 г. Притом совершенное большинство лермонтоведов видит в прелестной и коварной "ундине" "молодую казачку", "малоросску", "украинку, коренную жительницу Тамани, дочь черноморского казака, очевидно потомка запорожских сечевиков" /В. В. Соколов. 1928; В. Лихоносков. 1972 и др./ . И только, пожалуй, М. И. Цейдлер - очевидец 1838 г. - свидетельствовал, что прототипом лермонтовской героини была красавица-татарка, однако с "чистокровным европейским" типом "чертлица".

Между тем, никто, кажется, не обратил серьезного внимания на то, что в повести, написанной от имени русского "странствующего офицера", автор продемонстрировал недюжинный интерес к этно-речевой характеристике своих персонажей, скрыв в произведении некую загадку в объяс-

нении произошедшего таинственного и поэтического случая.

Внимательный читатель лермонтовской "Тамани" заметит, что, начиная с первых же ее абзацев, продемонстрирована добротность и многоплановость впечатлений об окружающей среде "в самом скверном городишке из всех приморских городов России". "Черноморские" казак и урядник, "линейный казак" и русский "десятник" /по В. Далю, "заведующий десятком изб"/,- вот эти персонажи.

Далее рядом с ними появляются портретно-речевые характеристики обитателей "нечистой" хаты, где остановился автор-странник. И здесь многое странно, разноречиво, как бы и нарочито расплывчато, неопределенно.

Четырнадцатилетний слепой мальчик, упорно разговаривающий с посторонними на "малороссийском наречии" / по украински/, затем в "своем" окружении "изъяснялся чисто по-русски", что крепко "поразило" офицера-повествователя. Глухая, якобы, старуха-хозяйка "фатеры" в нужную минуту все прекрасно слышит и словесно реагирует по-русски. Соблазнительная "ундина", в которой "было много породы" и которая поет чисто русскую песню, вложенную в ее уста автором, отнюдь не дочь "сердитой старухи", так как истинная дочь давно уже убежала "за море с крымским татаринном, лодочником из Крыма". И, наконец, храбрый контрабандист Янко - возлюбленный русской православленной девушки-"ундины" /"в воскресенье ты пойдешь в церковь"/ - носит "татарскую шапку, но острижен по-казацки" и говорит только по-русски...

В калейдоскопе загадочных лиц вроде бы и угадывается принадлежность к слоям кубанского казачества, но все это как-то призрачно, завуалировано, скрытно. Спору нет, улавливаемая наиболее внимательными исследователями "разноликость одних и тех же прототипов, послуживших поэту основой для создания повести "Тамань", заставляет думать, что писатель не буквально воспроизвел виденных им людей, а творчески перевоплотил их в яркие художественные образы" /Николай Веленгурин. 1976/. Но вряд ли все этим исчерпывается!

В. Г. Белинский был прав: "Повесть эта отличается каким-то особенным колоритом: несмотря на прозаическую действительность ее содержания, все в ней таинственно, лица - какие-то фантастические тени, мелькающие в вечернем сумраке, при свете зари или месяца..."

Как это и присуще Лермонтову, простые, однозначные ответы на поставленные в его творчестве вопросы невозможны и даже неуместны. Следует считаться с этим и при попытках краеведческих комментариев этно-языкового фона таманского происшествия, как оно описано в повести.

**Историческое регионоведение - ВУЗу и школе:
Материалы Пятой Северокавказской научно-
практической конференции. Славянск-на-Кубани.
1997. /В соавторстве с В. Б. Виноградовым/.**

СОДЕРЖАНИЕ

Лермонтоведческий этюд	3
Атажукины и абазины начала XIX в. в связи с творчеством М. Ю. Лермонтова (в соавт. с В. В. Виноградовым)	5
Лермонтовский Казбич и Кизбеч Шеретлуко (в соавт. с Е. А. Утко)	7
Взаимоотношения казаков и горцев по материалам ранних кавказских поэм М. Ю. Лермонтова	10
Из истории взаимоотношений М. Ю. Лермонтова с декабристами, сосланными на Кубань	12
Кавказские просветители - знакомцы М. Ю. Лермонтова	25
Лермонтовский Прочный Окоп	32
М. Ю. Лермонтов и Н. П. Слепцов: на перекрестках судеб	34
Образ "проконсула Кавказа" в творчестве М. Ю. Лермонтова (в соавт. с Ю. Ю. Клычниковым)	36
М. Ю. Лермонтов и Г. Х. Засс	38
Кубанские казаки в русской художественной литературе (до середины XIX в.) (в соавт. с В. Б. Виноградовым)	41
1841 год. Лермонтов?	45
"Настоящий кавказец" и его историко-литературные прототипы (в соавт. с В. Б. Виноградовым)	52
К проблеме этно-языкового фона в повести "Тамань" (в соавт. с В. Б. Виноградовым)	60

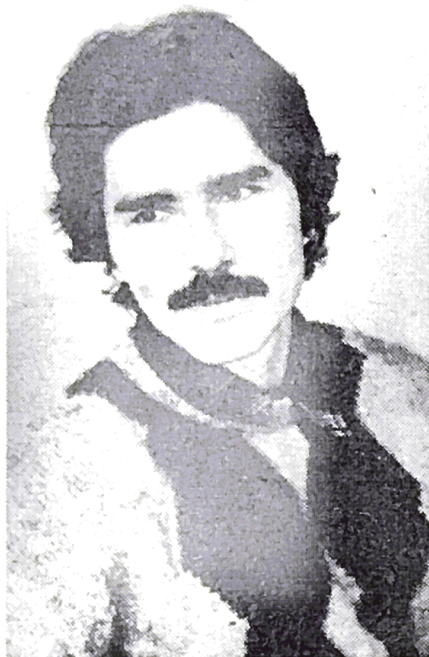
ВИНОГРАДОВ
Алексей Витальевич

Лермонтовская Кубань
(историко-литературоведческие
этюды)

Издание осуществлено за счет средств
семьи Виноградовых

Подписано в печать 25.08.97. Формат бумаги 60x84/32.
Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 2. Тираж 1000.
Заказ 1494. Цена договорная.

Армавирское ИПП комитета по печати администрации
Краснодарского края, г. Армавир, ул. Комсомольская, 123,
тел. 5-34-28.

Алексей Витальевич ВИНОГРАДОВ родился в г. Грозном, в 1968 г. Окончив с отличием Чечено-Ингушский госуниверситет им. Л.Н.Толстого, учительствовал в станице Шелковской.

В 1992 г. вынужден был /вместе со всеми Виноградовыми/ переместиться на Кубань, где продолжил свои основные занятия.

Сейчас он заместитель председателя Городской Думы Армавира, старший преподаватель Армавирского госпединститута, соискатель ученой степени по кафедре до-революционной отечественной истории Кубанского госуниверситета /г. Краснодар/.

Лермонтовская тематика - традиционна в научных пристрастиях семьи Виноградовых: дед и отец Алексея Витальевича - известные специалисты в изучении кавказского периода в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. Алексей женат, имеет сына.